

Юй Ян уже давно не спал спокойно. С тех пор как в его семье случилось несчастье, и он сам попал в бедствие, он всё время скитался и мыкался.

Но только он проснулся, как услышал снаружи громкий голос Тянь Яо, который произносил такие бесстыдные речи!

Юй Ян поперхнулся слюной и закашлялся. Тянь Яо услышал возню в доме, быстро вошёл в комнату и, идя, сказал:

— Ты посиди пока.

Лю Чжи только махнул ему рукой — мол, иди, остальное он доделает.

Тянь Яо подбежал к кровати:

— Ты проснулся?

Юй Ян только холодно смотрел на него. От этого взгляда у Тянь Яо по коже прошёл мороз, и тут он вспомнил, что только что сказал. Он смущённо усмехнулся:

— Это же была шутка. — И ещё раз принуждённо рассмеялся. — Я принесу воды, ты умойся.

Юй Ян смотрел на его удаляющуюся спину бесстрастно и ещё больше укрепился в том, что слухи были правдивы.

Лю Чжи сказал, что придёт помогать, а на самом деле просто воспользовался случаем, чтобы принести ему денег. Поэтому, увидев, что Тянь Яо пошёл на кухню, он крикнул ему, что идёт домой, и ушёл.

Тянь Яо поставил к изголовью кровати приготовленные на пару пампушки и нарезанные солёные овощи:

— Завтракать.

Пампушки с примесью кукурузной муки были грубоваты, не такие мягкие и пушистые, как из чистой пшеничной муки, их даже было трудно проглотить. Но Тянь Яо всё равно ел с большим аппетитом и быстро отправил в рот две штуки.

Юй Ян разламывал пампушку на маленькие кусочки и медленно ел. Увидев это, Тянь Яо почувствовал себя виноватым, налил ему воды:

— В будущем я сделаю для тебя пампушки из чистой пшеничной муки. А пока потерпи.

Юй Яну было всё равно. Он уже ел вещи и похуже.

Хотя их свадьба должна была быть скромной, после полудня пришло много деревенских тётушек и бабушек помогать.

Одна семья дала стол, другая — стулья, эта прислала немного зелени, та — немного тофу, так и набралось несколько столов.

К сумеркам во дворе у Тянь Яо, всегда тихом и безлюдном, стало шумно и людно. Поскольку Юй Яну было трудно передвигаться, ему нужно было только дожидаться церемонии, поклониться, а после церемонии он мог идти отдыхать.

Из-за спешки они не успели сшить новую одежду, поэтому к своим более-менее чистым и опрятным нарядам просто прикололи два красных лоскута — это и считалось свадебным платьем.

Когда пришёл староста, он принёс красный фонарь — это был его свадебный подарок молодожёнам.

Увидев, что все собрались, староста убрал курительную трубку, прочистил горло:

— Тогда начинаем.

Юй Ян не мог стоять самостоятельно, поэтому Тянь Дачжуан и муж Чэнь Сюй, муж Лю Чжи, поддерживали его справа и слева, чтобы он хоть как-то мог устоять на ногах.

Первый поклон — Небу и Земле. В это время в небе висела яркая луна.

Второй поклон — предкам и родителям. Перед алтарём стояли таблички с именами покойных родителей Тянь Яо, которые при мерцающих свечах отбрасывали длинные тени.

Третий поклон — супружеский поклон. Тянь Яо увидел лицо Юй Яна — всё ещё худое. На его лице не было ни следа радости. Вероятно, в душе он сокрушался о превратностях судьбы.

После трёх поклонов церемония считалась завершённой. Тянь Яо не дал им больше помогать, сам поднял Юй Яна на руки и унёс в комнату.

Увидев их удаляющиеся спины, пришедшие соседи зашептались.

— Похоже, Яо-гэр тут за мужчину.

— Так у того же человека ноги не ходят.

— Яо-гэр наконец-то выдали замуж. Можно и брату Тяню упокоиться с миром.

С другой стороны от столов стоял маленький столик, за которым сидели двое с ужасными, свирепыми лицами и слушали эти разговоры.

— Можем мы уже возвращаться и докладывать молодому господину? — спросил один из них, глядя на Тянь Яо, который вышел выпить с компанией мужиков. — Задание-то выполнено?

Они долго здесь расспрашивали и наконец услышали молву: есть, мол, в деревне Хуайлин один гэр, невероятной силы — один может десятерых мужиков побить; с виду уродливый страшно, в доме бедность, да ещё, говорят, по ночам у него в комнате мужики шастают.

Молодой господин сказал унизить Юй Яна — сделать его вошедшим в семью мужем для такого гэра. Похоже, подходит под требования господина. Человека они видели, только вот внешность у него совсем не такая, как в слухах, а в остальном — почти то же самое.

— Сегодня вечером ещё посмотрим.

Другой человек недоумевал: что же смотреть вечером? Он долго думал, потом открыл рот, и выражение его лица стало непристойным:

— Посмотрим, как они брачную ночь проводить будут?

Тот закатил на него глаза и стал ждать, когда закончится это застолье.

Проводив всех соседей, Тянь Яо помог вернуть столы и стулья по домам и только потом, весь пропахший вином, вернулся в комнату.

Комнату тоже кое-как украсили. Красная простыня, что сейчас лежала на кровати, тоже была подарена односельчанами.

Тянь Яо пил хорошо, и то вино его не опьянило. Он прибрал во дворе, вскипятил воду, вернулся в комнату, чтобы попарить и помассировать ноги Юй Яну.

Сделав это, Тянь Яо сам умылся и лёг в кровать.

Он устал, лёжа на кровати и постанывая. Юй Ян поднял на него глаза, но в следующее мгновение увидел, как Тянь Яо, словно леопард, вскочил и навалился сверху, прижав Юй Яна всем телом.

Юй Ян упёрся рукой ему в грудь, дыхание сбилось, голос стал выше, и он приглушённо крикнул:

— Ты что делаешь?

Голос Тянь Яо больше не был, как прежде, мягким и тёплым, наоборот, словно нарочно усиленный:

— Конечно, брачную ночь справлять.

С этими словами он начал рвать на Юй Яне одежду. Раздался треск ткани. Юй Ян действительно не мог с ним совладать.

Но в следующую секунду он услышал, как Тянь Яо, припав к его груди, начал издавать каким-то зажатым голосом такие звуки, от которых кровь бросилась в лицо. Даже корни ушей Юй Яна покраснели, а Тянь Яо, казалось, и сам этого не замечал.

Тянь Яо слез с Юй Яна, затем сел, но звуки из его рта всё ещё не прекращались.

Юй Ян бесстрастно перевернулся и отвернулся, не глядя на него. Наконец Тянь Яо остановился. Так умело стонать — неизвестно, сколько практики было... Юй Ян не стал додумывать, ему этого и не нужно было — они всего лишь берут друг от друга необходимое.

На самом деле Тянь Яо тоже было немного неловко. Помолчав, он сказал:

— Там снаружи только что были люди. Наверное, твои враги.

Тянь Яо не был глупым. Когда он сегодня увидел во дворе незнакомых людей, он понял, что это, должно быть, враги Юй Яна. Естественно, он также понял, зачем они хотели подсунуть Юй Яна именно ему: из-за его дурной славы — они решили, что это будет лучший способ унижить Юй Яна.

В конце концов, Тянь Яо вёл себя праведно и прямо, сплетням он никогда не придавал значения, и чужое мнение никогда его не касалось.

— Завтра они, наверное, уже уедут, — сказал Тянь Яо, соскочил с кровати, нашёл корзинку для шитья, стоявшую в стороне, и снял с Юй Яна верхнюю одежду. Это была одежда его папы, и у

него сердце разрывалось от того, как он её испортил.

Но шить он умел плохо — через два стежка норовил уколоть палец. В доме, кроме осенних цикад, слышны были только шипящие вдохи Тянь Яо.

Кое-как, криво и косо, он зашил одежду, потом зевнул и снова улёгся в кровать.

Он перебирал пальцы, на которых было несколько уколов, и всё бормотал:

— Лю Чжи одолжил мне полсвязки монет, тётушка Чжан подарила десять яиц, мясник Ли подарил три цзиня мяса, ещё кто-то приносил овощи, кто-то — вино, ещё эта простыня... Если всё подсчитать, то в общей сложности я должен им...

Тянь Яо долго думал и наконец назвал сумму:

— Три лян серебра.

Он лёг на кровать, открыв глаза, но перед глазами всё было смутно:

— Вот завтра же пойду зарабатывать деньги.

Тянь Яо похлопал его по руке, и его одолела дремота — рука так и осталась лежать на руке Юй Яна, и он уснул.

В эту ночь был лунный свет, он проникал в окно. Юй Ян увидел очертания руки Тянь Яо. Она не была стройной и длинной — короткая и маленькая, на ней было много старых ран, которые уже превратились в шрамы разной глубины.

По-прежнему не выражая никаких чувств, Юй Ян убрал руку Тянь Яо и сам закрыл глаза.

Тянь Яо вчера выпил многовато, поэтому сегодня проснулся позже обычного, но за окном уже пробивался первый свет.

Когда он открыл глаза, его голова оказалась очень близко к голове Юй Яна, их дыхание переплелось. Тянь Яо осторожно приподнял голову, приблизился к его лицу — дыхание Юй Яна было ровным, ресницы длинными, лицо всё ещё немного худое.

Он долго смотрел на него, потом медленно оделся и встал. Одеваясь, он думал о предстоящих делах: скоро уже зима, дни постепенно становятся холодными, а запасы на зиму ещё совершенно не готовы.

И ещё неизвестно, выдержат ли ноги Юй Яна зимний холод.

Думая об этом, он снова начинал жалеть о тех серебряных монетах, которые выплатил. Если бы они по-прежнему были у него, можно было бы к этой зиме сложить кан — тёплый, хорошо бы для ног Юй Яна, для их восстановления было бы полезно.

Вчерашнее застолье было очень скромным, и когда он вечером всё убирал, почти ничего не осталось. Осталось несколько пампушек да два яйца, которые он потихоньку припрятал. Тянь Яо взбил яйца и приготовил для Юй Яна паровой омлет.

Он отобрал несколько пампушек, завернул и положил в свою корзину за спину, согрел воды, достал из горшка солёную головку овоща и нарезал её.

Пампушки и паровой омлет оставил греться на горячей воде, солёные овощи поставил рядом и отнёс всё это в комнату.

Юй Ян спал очень прямо и неподвижно, казалось, за всю ночь ни разу не шевельнулся. Тянь Яо ещё немного посмотрел на него, потом обулся и под лунным светом отправился в горы.

Только когда рассвело, Юй Ян проснулся. Проснувшись, он ещё не понял, где находится, но увидел пампушки у изголовья кровати и вспомнил: прошлой ночью он переехал в новое жильё — это его новый дом.

Пампушки уже немного остыли, горячая вода быстро остывает осенью, на пампушках уже образовалась твёрдая корочка.

С некоторым трудом он сел, протянул руку и достал пампушки. Рядом лежало немного солёных овощей — видимо, их нужно есть с пампушками. К его удивлению, там оказалась ещё и миска парового омлета.

Юй Ян взял миску с омлетом — она всё ещё хранила остатки тепла. Должно быть, когда Тянь Яо готовил омлет, он добавил немного свиного жира. Юй Ян зачерпнул с края ложку — на вкус он оказался маслянистым, нежным и гладким. Это было лучшее, что он ел за всё это долгое время.

Глаза у него защипало. Он отпил почти остывшей воды и кое-как подавил горечь на душе.

Дом Тянь Яо стоял в самой глубине деревни Хуайлин, у подножия большой горы. Здесь было очень тихо, только изредка слышны были цикады да птицы.

Юй Ян вспомнил, что Тянь Яо говорил, что сегодня пойдёт в горы. Гэр — и чуть свет в горы на охоту?

В горах опасно. Непонятно, как этот гэр сможет и себя защитить, и добычу принести. Юй Ян подумал о слухах, что ходили о Тянь Яо, и понял: гэру, чтобы выжить в одиночку, приходится очень трудно, так что некоторые его поступки можно понять — в конце концов, всё делается ради того, чтобы выжить.

С этой мыслью чашка омлета, что была у него в руках, показалась ему тяжелее тысячи цзиней*. И в итоге из этого омлета он съел только один первый глоток.

п/п:

«Тяжелее тысячи цзиней» (千钧, qiān jūn zhòng) — устойчивое выражение, где «цзинь» — китайская единица веса (около 0,5 кг). В переносном смысле означает «чрезвычайно тяжёлый, неподъёмный».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/17624/1640696>